

Ирен Софи

ВОТ Я ПОПАЛ!

18+

Ирен Софи

Вот я попал

<https://litres.ru/74006109>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я попал в мир, где мужчины — ресурс. Здесь правят женщины. Здесь мужчины — товар.

Этот мир болен. Древнее проклятие исказило всё. Восстановить равновесие могут только древние Печати — артефакты забытой эпохи. Я должен найти их. Завладеть ими. Выжить в мире, где тебя считают редкой диковинкой, — ещё полбеды. Хуже, когда ты — единственный, кто может продолжить древний род, а каждая аристократка, колдунья и авантюристка смотрит на тебя как на лакомый кусочек. Пора показать этим красавицам, что русский мужик — не просто ценный ресурс, и с ним шутки плохи.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирен Софи

Вот я попал

Глава 1

Шрам на ладони болел, как в первый день. Тот самый, что заработал, пытаясь подогнать неподатливую гарду на каролингском мече. Глупая, бытовая травма, давно зажившая. Но сейчас, лежа на спине в вязкой грязи и вглядываясь в поллог хвойных лап над головой, я чувствовал свежую боль. Как будто кожу содрали снова. Этого не было в сценарии фестиваля «Живая история».

Последнее, что я помнил – грохот. Откуда-то из-под земли, нарастающий, как стон гигантской струны. Яркая вспышка. Потом – ощущение падения в звукопоглощающую вату. Я сел, и мир завертелся. Зеленоватые пятна поплыли перед глазами. Я уперся руками в землю, вдохнул полной грудью. Ни намек на дымок от мангалов, на пыль с дороги. Только влажная земля и что-то цветущее. «Контузия, – тупо подумал я. – Отбросило взрывной волной. Лес за пределами площадки фестиваля».

Я осмотрелся. Обычный лес. Сосны, ели, папоротник по пояс. Только слишком уж первобытный. Моя одежда – шерстяные шаровары, льняная рубаха, кожаный пояс и простые

поршни – была мокрой и грязной, но целой. Рядом валялся мой щит – круглый, обтянутый кожей. Меча не было. «Отлично, Алексей Гордеев. Историк-инженер, попавший в свою же реконструкцию. Только без публики, меда и горячего сбитня».

Я поднялся на ноги, застонав. Все тело ныло, будто меня прокатали через каток. Нужно было найти людей. Шаг за шагом, цепляясь за стволы, я пополз, ориентируясь на слабый свет, пробивавшийся сквозь чащу. Инстинкт говорил – иди на свет.

Лес расступился неожиданно, вытолкнув меня на опушку, к узкой, извилистой речушке. И тут я услышал лязг металла. Короткий, отрывистый крик – женский, полный ярости. И низкий, хриплый рык, от которого по спине побежали мурашки. Звук, не принадлежащий ни одному мне известному зверю. Я пригнулся, подполз к краю кустов и замер.

На поляне, метров за пятьдесят, шла схватка. Трое. Вернее, одна против двоих. Девушка в кольчуге, уже порванной на плече, отчаянно отбивалась от Я протер глаза. От двух существ, напоминавших волков, если бы волки вставали на задние лапы и были сложены как медведи-шатуны. Их шкура была темной, сливающейся с тенями, а глаза горели тусклым желтым светом, как гнилушки. Один из них держал в лапе, больше похожей на руку с когтями, обломок какого-то древнего меча.

Девушка отступила под их натиском, споткнулась о ко-

рень. Второй зверь, проворный и гибкий, прыгнул ей в спину. Я не думал. Мозг, отключив все аналитические центры, выдал единственную команду: *ДЕЙСТВУЙ*. Я вскочил, сгреб со земли первое, что попало под руку – увесистый сук, похожий на дубину. И закричал. Кричал что есть мочи, дико и нечеловечески, срывая голос, пытаясь имитировать рев толпы, атаки, чего угодно, лишь бы отвлечь.

Звери замерли на секунду, повернув клыкастые морды в мою сторону. Их жертва воспользовалась моментом – резким движением, больше похожим на акробатический трюк, она вывернулась из-под лапы и, развернувшись, всадила короткий меч в шею ближайшему чудищу. Тот захрипел, захлебнувшись черной кровью. Второй монстр, забыв о ней, бросился на меня. Он двигался с пугающей быстротой, закрывая расстояние в несколько прыжков. В ноздри ударил смрад падали. Время замедлилось. Я увидел каждую деталь: ключья свалывшейся шерсти на груди, желтый, безумный взгляд, когти, летящие прямо к моему лицу.

Инстинкт реконструктора сработал. Я не стал подставлять дубину под удар – ее бы просто переломило. Я рванулся навстречу, входя в мертвую зону, и со всей дури ткнул обрубок сука вперед, как коротким копьем. Острие пришлось точно в солнечное сплетение. Раздался глухой звук, будто я ударил по туго набитому мешку. Зверь охнул, воздух вышел из него со свистом. Я уже отскочил назад, а его лапа просвистела в сантиметре от моего уха.

«Туловище, горло, пах, глаза», – пронеслось в голове правило ближнего боя. Глаза были ближе всего. Я снова рванулся вперед, уже без дубины, и вогнал пальцы прямо в эти желтые огоньки. Что-то хрустнуло, горячая жижа брызнула на руку. Существо взревело, затрепыхавшись в слепой агонии. И тогда со стороны девушки блеснуло лезвие. Ее меч с размаху вонзился в бок твари, нащупал что-то важное между ребер. Рык оборвался, тело осело, судорожно дернулось и затихло.

Наступила тишина. От адреналина звенело в ушах. Я стоял, тяжело дыша, с трясущимися руками, облитыми чем-то теплым и липким. Девушка, опираясь на меч, смотрела на меня. Ее лицо, испачканное грязью и кровью, было бледным. Широко раскрытые серые глаза, высказали все, что ей, видимо, было сложно сформулировать. Она медленно, будто боялась спугнуть, вытащила клинок из тела чудовища, вытерла о его кожу и вложила в ножны. Потом шагнула ко мне. Я невольно отступил. Она остановилась, ее взгляд пробежал по моему лицу, волосам, одежде, задержался на моих глазах. В ее взгляде было недоверие, шок, любопытство и что-то еще. Что-то голодное и пугающее.

– Ты – ее голос был чистым, с мелодичным, непривычным ударением. – Ты мужчина?

Вопрос повис в воздухе, абсурдный и неуместный. Конечно, мужчина. Кто же еще?

– Алексей, – выдавил я, сглотнув ком в горле. – Меня зо-

вут Алексей.

Она медленно кивнула, как будто усваивая эту информацию. Потом ее взгляд упал на мою левую руку, все еще сжатую в кулак. Я разжал пальцы. Шрам на ладони горел, как раскаленный.

– Кровь, – сказала она тихо. – Твоя кровь на земле. Когда ты упал? – Я не знаю. Час назад? Два?

Она покачала головой, и в ее глазах вспыхнула тревога. – Нет. Твоя кровь здесь. Сейчас. И они это почуяли. Волколаки. Они идут на свежую мужскую кровь, как рысь на раненого зайца. – Она резко обернулась, вслушиваясь в лес. – Их было больше двух. Остальные близко. Беги. Беги сейчас!

Она схватила меня за рукав, ее пальцы впились в ткань с железной силой. – Но куда? – растерянно спросил я.

Девушка окинула взглядом лес, небо, будто вычисляя маршрут. – Ко мне. В Град Светлицу. Это единственный шанс. Или ты хочешь стать их добычей? – Она бросила взгляд на растерзанные тела волколаков. – Или тем, во что они превращаются?

Ее слова не оставляли выбора. Где-то в чаще раздался протяжный, тоскливый вой. Не один голос. Целая стая.

– Веселина, – отрывисто сказала она, уже таща меня за собой в сторону, противоположную от воя. – Зови меня Веселина. А теперь беги, Алексей. Беги, если жизнь тебе дорога.

И мы побежали. Я, историк из XXI века, бежал, что есть силы, по дикому лесу, за спиной девушки-воительницы, от

чудовищ, о которых знал только из сказок. А впереди была только неизвестность и ее слова, эхом отдававшиеся в голове: «Ты *мужчина?*»

Глава 2

Бежали мы, казалось, вечность. Лес превратился в сплошное зеленое месиво, хлеставшее по лицу ветками, цеплявшееся за ноги корнями. Дышал я со свистом, горло саднило, как после паров серной кислоты. А Веселина летела впереди легко и беззвучно, будто не по бурелому, а по паркету. Лишь изредка она оборачивалась, и в ее бледных глазах читалось: «Не отставай». Вой позади то приближался, то удалялся. Чудовища, волколаки, неслись по нашему следу. Чувствовал я это кожей – по мурашкам на спине, по леденящему страху в животе. Веселина не пыталась запутать следы. Она просто мчалась к цели с безошибочной точностью охотничьей собаки. – Река! – выдохнула она наконец, и через десяток шагов я увидел воду.

Широкий, быстрый поток, перегороженный упавшими деревьями. На противоположном берегу виднелись следы человеческого присутствия: завалы из заостренных кольев, сломанная деревянная платформа. Веселина, не замедляя хода, рванула к огромному стволу, упавшему как раз с берега на берег. – По нему! Быстро! Ствол был скользким от влаги и мха, в середине его диаметр сужался. Внизу булькала и пенилась вода. Высоту я люблю, но не в таких условиях. На середине мостка я поскользнулся, сердце ушло в пятки. Сильная рука в кожаной наручи схватила меня за пояс и

буквально перебросила на твердую землю. – Спасибо, – про-
бормотал я, но она уже не слушала. Она выхватила свой меч
и несколько раз ударила плашмя по стволу у самого наше-
го берега. Раздался треск, древняя древесина, подточенная
временем, поддалась. Еще удар – и мост рухнул в воду, его
тут же подхватило и понесло течением. – Теперь у нас ми-
нут десять, – сказала Веселина, тяжело дыша. Она вытерла
лоб тыльной стороной ладони, оставив на лице новую гряз-
ную полосу. – Они переберутся вброд выше по течению, где
мельче. Но этого хватит. Она двинулась вдоль берега, и я
поплелся следом, чувствуя, как дрожь в коленях сменяется
свинцовой усталостью. Минут через пятнадцать мы вышли
на едва заметную тропу. А еще через полчаса лес расступил-
ся, открыв вид на Град Светлицу. Он возвышался на холме,
опоясанный двумя рядами высоких бревенчатых стен с ча-
стоколом наверху. За внутренней стеной виднелись остро-
верхие крыши теремов, дымок из труб. Стандартная, в об-
щем-то, картинка для реконструктора. Если бы не одно «но».
На стенах, у ворот, на помостах – везде стояли, сидели, ходи-
ли женщины. Только женщины. В доспехах, в цветных пла-
тях, в простых холщовых поневах. Ни одного мужика. Да-
же мальчишку-подростка не было видно. Веселина, не обо-
рачиваясь, жестко сказала: – Держись рядом. Не говори ни
слова, если не спросят. Смотри под ноги. И – она на мгно-
вение запнулась, – постарайся не смотреть никому в глаза.
«Отличные советы», – мрачно подумал я, но кивнул. Нас за-

метили, когда мы были еще в сотне метров от ворот. Сначала просто замерли, уставившись. Потом поднялся гул, похожий на рой разгневанных пчел. Кто-то крикнул. На стенах зашевелились, показались луки. – Веселина Огнева! Свои! – крикнула моя спутница, и голос ее, звенящий и властный, на мгновение заглушил гомон. Массивные ворота, обитые железом, с скрипом приоткрылись ровно настолько, чтобы мы могли проскользнуть внутрь. И тут на нас обрушилась стена звуков, запахов и взглядов. Двор перед воротами был заполнен народом. Женщины всех возрастов и, судя по одежде, сословий. Они столпились, образуя узкий коридор. И смотрели. На меня. Их глаза – синие, карие, серые – были полны такого шквала эмоций, что я невольно отшатнулся. Там было дикое любопытство, жадность, страх, неприкрытое вожделение и что-то похожее на религиозный трепет. Шепот, шипение, возгласы прокатились по толпе: – Мужчина Живой – Смотрит, смотри, он глаза поднимает! – Откуда? Веселина привела – Чистый Волосы светлые, как лен – Коль его кровь почуяли, значит, сильный дух Я чувствовал себя экспонатом на самом непотребном аукционе. Кожа под этими взглядами буквально горела. Я упрямо уставился в спину Веселине, в ее спутанные темные косы, стараясь не замечать протянутых рук, не слышать сдержанных возгласов. – Расступитесь! – прогремел новый голос.

Толпа нехотя рассеялась, открывая дорогу пожилой, прямой как жердь женщине в темно-синем кафтане, оторочен-

ном мехом. Лицо у нее было жесткое, изрезанное морщинами, как старый дуб, а взгляд – острый, как шило. За ней шли две молодые воительницы в полном доспехе, с секирами на плечах. – Боярыня Марфа, – кивнула ей Веселина, и в ее поклоне читалось уважение. – Веселина. Вижу, охота была удачной, – сказала старая боярыня, и ее взгляд, тяжелый и оценивающий, упал на меня. Она обошла меня кругом, словно покупатель лошадь. – И не раненая добыча. Откуда? – Нашла в лесу за Великой Речкой. Волколаки уже чуть было не взяли. Отбила, – коротко доложила Веселина.

– Волколаки – Марфа поморщилась, будто от дурного запаха. – Значит, кровь пролил? Здесь? – Да. Капля. Но они уже были близко. – Значит, сильный запах, сильный дух, – произнесла боярыня задумчиво. Потом резко повернулась к толпе, которая затихла, ловя каждое слово. – Что уставились? Делать нечего? На стены! По хозяйству! Или я вас палкой разгоню! Толпа зашевелилась, неохотно расходясь, но взгляды продолжали скользить по мне из каждого темного угла, из-за каждой приоткрытой двери. – Ведешь его в свой терем? – спросила Марфа, понизив голос. – Он моя добыча, боярыня, – ответила Веселина. – По праву нашедшего и отстоявшего. Совет будет позже. Сначала нужно обработать раны. И ему, и мне. Марфа что-то пробурчала себе под нос, но кивнула. – Так и быть. Но стражу у терема поставлю свою. На всякий. Чтобы никто не позарился. И чтобы он никуда. Понятно? – Понятно. Боярыня Марфа бросила на меня по-

следний всевидящий взгляд и удалилась, громко стуча посохом о бревенчатый настил. Ее стражи остались, заняв позиции у входа в узкую улицу, ведущую вглубь поселения. – Пошли, – сказала Веселина, и ее голос вдруг зазвучал устало.

Она повела меня по кривым улочкам Града Светлицы. Деревянные дома, крепкие, с резными наличниками. Повсюду женские лица в окнах. Запахи – дым, хлеб, вареная похлебка, дубленая кожа. И все та же тишина, нарушаемая лишь шепотом. Мужского голоса я не слышал вовсе. Ни баса, ни даже мальчишеского дисканта. Только переливы женских. Терем Веселины оказался небольшим, но крепким срубом на окраине, рядом с самой стеной. К нему примыкала невысокая постройка – конюшня или кузница. Она толкнула тяжелую дверь, впуская меня внутрь. Первое, что я почувствовал – тепло от печи-каменки в углу и запах сушеных трав. Одна большая комната служила всем: тут и очаг, и стол с лавками, и сундуки, и в дальнем углу – застеленная звериными шкурами кровать. Оружия на стенах было больше, чем украшений: мечи, луки, топорики. – Садись, – бросила она, скидывая на пол рваную кольчугу с болезненным стоном. Из-под нее показалась простая, грубая рубаха, прилипшая к телу в нескольких местах от пота и крови. Она подошла к кадке с водой, зачерпнула ковшом и залпом выпила. Потом второй. Плечи ее вздрагивали от усталости. Я послушно опустился на лавку у стола, чувствуя, как ноги наливаются свинцом. Протирая лицо руками, я снова ощутил жгучую боль в ладо-

ни. Шрам был воспаленным, красным, будто его только что провели по коже раскаленной иглой. Веселина заметила мой взгляд. Покажи. Я молча протянул руку. Ее прикосновение было неожиданно осторожным. Она изучала шрам, водила подушечкой большого пальца по его неровным краям. – Старая рана, – констатировала она. – Но она светится для них. Как маяк в тумане. Пока кровь не уйдет глубоко в землю, а сам след не затянется новой кожей, ты – приманка. – Она отпустила мою руку. – Тебе повезло, что первой наткнулась я. Другие – она не договорила, но я понял. Другие могли привести меня сюда не как человека, а как трофей. Или вообще не привести. – Спасибо, – сказал я искренне. – Вы ты спала мне жизнь. Она отвернулась, снова подойдя к воде, чтобы умыться. – Не благодари раньше времени. Теперь твоя жизнь зависит от того, что решит Совет боярынь. И от того, как ты себя поведешь. Она смочила тряпицу и начала смывать с лица грязь и кровь. Под слоем копоти и усталости проступило молодое, сильное лицо с высокими скулами, прямым носом и упрямым подбородком. Красивое. Но не женственной красотой, а красотой отточенной стали. – А что они могут решить? – спросил я, боясь услышать ответ. Веселина бросила окровавленную тряпку в таз. – По обычаю, найденный вне стен мужчина – собственность той, кто его нашла. Если она может его защитить и содержит. Но ты – она снова посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнуло все то же непонимание, – ты не похож на дикаря с окраин. И не похож на

тех жалких, затравленных «корней», что изредка попадают в лесах. Ты чистый. Здоровый. И глаза у тебя ясные. Таких не было много лет. Ты – редкость. А редкое всегда хочет заполучить сильнейший. Марфа уже считает, что ты должен принадлежать всему городу. Вернее, Совету. То есть, по сути, ей. У меня похолодело внутри. – То есть, меня могут забрать? – Могут попытаться, – поправила она, и в ее голосе зазвенела сталь. – Но я свое не отдаю просто так. Я за тебя кровь проливала. Это дает право.

Она подошла к сундуку, достала чистую, хоть и не новую рубаху и длинное холщовое платье. – Переоденься. Твоя одежда пропахла страхом и чужеродью. Сожжем ее. И помойся. – Она кивнула на деревянную купель в углу, рядом с печью. – Воды нагрēju. Мысль о теплой воде была божественна. Пока она хлопотала у печи, подливая воду в висящий над огнем котелок, я скинул свою вонючую, пропитанную потом и грязью реконструкторскую одежду. Стоял в углу, стараясь прикрыться руками, чувствуя себя неловко. Веселина, пронося мимо охапку дров, бросила на меня беглый, оценивающий взгляд, каким смотрят на нового коня. Но от этого было не легче. – Не стесняйся, – сказала она сухо. – Мужское тело я видела. На убитых волколаках. И на тех немногих «корнях», что доживают свой век в клетках у боярынь, что побогаче. Уродливое, жалкое зрелище. Ты другой. Она вылила горячую воду в купель, добавила холодной из кадки. – Полежай. И смой с себя лес. И запах страха. Я погрузился в воду с

тихим стоном наслаждения. Теплота обволокла измученные мышцы. Веселина подала мне кусок грубого, пахнущего золой мыла и мочалку из лыка. Потом отошла к столу и, отвернувшись, начала расстегивать ремни на своем подоспешнике. Я старался не смотреть, скребя себя мочалкой до красноты. Слышал, как шуршит ткань, как падает на пол. Потом – мягкое плескание воды. Она мылась в тазу, стоя посреди комнаты, не скрываясь. Взгляд мой невольно скользнул по ее отражению в полированном медном тазике. Сильные, плавные линии плеч, спины, узкой талии. Шрамы – белые полосы на загорелой коже. История боев, написанная на плоти. Я резко отвернулся, уткнувшись лицом в колени. «Держись, Леха, – сказал я себе. – Ты в другом мире. С другими правилами. Выжить бы». – Почему ты не смотришь? – ее голос прозвучал прямо рядом. Я вздрогнул. Она стояла у купели, уже в чистой длинной рубахе, подпоясанной простым шнуром. Мокрые волосы темными змеями лежали на плечах. – Тебе неприятен вид женщины? – Нет! – вырвалось у меня слишком резко. – Просто где я вырос, так не принято. – Где ты вырос? – она присела на корточки рядом, ее светлые глаза изучали мое лицо с неподдельным интересом. – Откуда ты, Алексей? Твоя речь странная, одежда простая, но не наша. И в бою ты двинулся не как селянин, а как как кто-то, кто знает бой, но редко практикует. Я замер. Что сказать? Правду? Сочтут за безумца. Или за колдуна. – Я с очень далеких краев. С запада. За великими горами и морями. У нас там

все по-другому. – По-другому, – повторила она, и в ее глазах вспыхнула искра чего-то, похожего на надежду. – И мужчин там много? Вопрос был задан так просто, так прямо, что у меня перехватило дыхание. – Да, – честно ответил я. – Почти поровну. Мужчин и женщин. Она закрыла глаза на мгновение, как будто представляя эту невероятную картину. Потом открыла. – И они какие? Как ты?

– Разные, – сказал я. – Как и женщины. Сильные и слабые, умные и глупые, добрые и злые. – И они ходят свободно? Не прячутся? Не боятся? – Да. Она покачала головой, словно отгоняя сказку. – Тогда твой мир – легенда. А здесь – правда. Здесь мужчин почти не осталось. Те, что есть – немощные, больные, бесплодные. Их называют «корни» – потому что от них уже не может пойти новый росток. Они живут мало. А те, что посильнее – она кивнула в сторону леса, – рано или поздно становятся волколаками. Проклятие, говорят старые байки. За грехи наших прабабок. Правда ли это – не знаю. Знаю, что родить сына – величайшая удача. А родить здорового сына такого не было на памяти моей прабабки. Она говорила спокойно, без эмоций, констатируя ужасные факты. И от этого было еще страшнее. – Поэтому на тебя смотрят, как на чудо, – продолжила она. – Или как на страшную угрозу. Чудо хочется заполучить. Угрозу – уничтожить или обезвредить. Совет будет решать, что ты. – А ты как считаешь? – спросил я, глядя ей прямо в глаза. Она не отвела взгляда. – Я считаю, что ты сражался со мной плечом к плечу. Ты не

убежал, когда мог. Ты рисковал, чтобы отвлечь тварь. Это не свойственно ни чудовищам, ни «корням». Это свойственно воину. Или дураку. – На ее губах дрогнуло что-то, отдаленно напоминающее улыбку. – Пока я не решила, кто ты. Она встала. – Вылезай, обсохни. Потом поедим. И будем думать, что говорить Совету. Я выбрался из купели, и она бросила мне грубое полотенце. Пока я вытирался, она накрыла на стол: черный хлеб, соленую рыбу, какую-то густую похлебку с мясом и луком, кувшин с чем-то, похожим на квас. Я натянул чистое и сел за стол.

- Ешь, - кивнула мне на еду Веселина, откусывая большой кусок от горбушки. Еда была простой, сытной, вкусной. Голод, притупленный адреналином, набросился на меня, и я ел, не стесняясь. Веселина ела медленно, аккуратно, но тоже с аппетитом. Только теперь, при тусклом свете лучины, я рассмотрел синяк у нее на виске и глубокую царапину на шее. – Твои раны, – сказал я. – Их нужно обработать. Она махнула рукой. – Пустяки. Завтра заживут. – Нет, не пустяки, – я встал, огляделся. На полке среди прочей утвари я увидел глиняную банку с надписью, которую, к своему удивлению, смог прочесть: «Мазь зверобойная». Здесь был кириллический шрифт, хоть и уставной, древний. Я взял банку. – Сядь. Покажи. Она посмотрела на меня с удивлением, но повиновалась. Я достал мазь – густую, темную, с резким травяным запахом. Аккуратно нанес на царапину на ее шее. Она вздрогнула от прикосновения, но не отстранилась. – Откуда

ты знаешь грамоту? – тихо спросила она. «Из курса палеографии», – промолчал я. – Учили, – буркнул вместо этого. – Мужчин редко учат, – сказала она, и ее голос звучал задумчиво. – Разве что знахарей. Ты знахарь? – Нет. Просто умею кое-что. Я обработал царапину, потом дотронулся до ее виска, где набухал сине-багровый синяк. Она замерла, и ее дыхание стало чуть слышным в тишине комнаты. Я чувствовал, как бьется пульс у нее под кожей. Быстро, как у птицы. Мои пальцы двигались сами, осторожно втирая мазь в ушиб. Она закрыла глаза. В этот момент она выглядела не грозной воительницей, а просто усталой, молодой женщиной. – Спасибо, – прошептала она, не открывая глаз. Я убрал руку, и она словно очнулась. Резко встала, отойдя к очагу. – Ложись спать. Ты на печи. Я здесь. – Я могу на полу, – предложил я. – Не спорь. Ты гость. И ты нужен в целостности и сохранности. Я не стал упрямиться. Забравшись на теплую лежанку печи, укрывшись грубым одеялом, слушал, как она двигается по комнате, гасит лишнюю лучину, ложится на свою кровать. – Веселина? – тихо позвал я. – М? – Что будет завтра? – Завтра будет Совет. Они будут смотреть на тебя, задавать вопросы. Будут требовать тебя отдать. Я буду отказываться. Может быть, будет бой за право обладания. По обычаю. – Бой? Ты против кого? – Против тех, кто захочет оспорить мое право. Марфа выставит свою чемпионку. Или нескольких. Меня сковал ледяной ужас. – Ты из-за меня можешь погибнуть. – Я не собираюсь погибать, – просто сказала она.

– И тебя не отдам. Спи, Алексей. Тебе понадобятся силы. Завтра тебя будут разглядывать, как корову на торгу. Я повернулся на бок, уткнувшись лицом в подушку. Мысли путались, усталость накрывала с головой. Последнее, что я запомнил перед сном – ее ровное дыхание в темноте и жгучую пульсацию старого шрама на моей ладони. Шрама, который привел меня сюда. В мир, где я был не человеком, а предметом. И в котором моя единственная защитница готовилась завтра сражаться за меня, как за трофей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.